

Игумен Варлаам

КАМПАН

Сказки и сказы

Серия «Время — детство!»

6+

Эта удивительная книга напоминает сборники классических авторских сказок и вместе с тем она очень современна. Истории древности в ней чередуются с рассказами о дне сегодняшнем и притчами. Жизни вещей и людей в сказках игумена Варлаама оказываются тесно переплетены и до забавного похожи, а проблемы, с которыми сталкиваются герои, невероятно сложны, но совершенно понятны и взрослым, и детям. А то, что не даётся пониманию с первого раза, обязательно станет ясным со второго или третьего — погружаться в атмосферу этих сказок хочется снова и снова.

игумен Варлаам

КАМПАН

сказки и сказы

ЛЯГУШКА-ЦАРЬ

Жил на Верхних прудах Головастик. С малых своих — если говорить о лягушачьем веке, то дней — считал он себя особенным и оттого был очень заносчивым. Что заставляло его превозноситься над другими головастиками и лягушатами, не очень понятно. Однако он не упускал повода посмеяться над другими, выказать себя с наиболее выгодной стороны и унизить других.

Когда вырос и превратился в Лягушонка, он стал ещё более самоуверенным. Ловко нырял, быстро плавал, скакал через луг к Нижним прудам и всё, что попадало в поле его зрения, подвергал немилосердной критике.

— Мы живём на Верхних прудах, — разглагольствовал он. — Верхние пруды выше, чем Нижние, значит, и мы выше тех, кто населяет Нижние пруды.

Впрочем, свои Верхние пруды Лягушонок тоже не жаловал.

— Скукотища тут! То ли дело жизнь во дворце!..

И начинал представлять себя царём. Вот он прыгает по дворцу в золотой короне. На плечах у него зелёная с золотым отливом мантия. Придворные бегут за ним, придерживая мантию, высоко поднимая её на лестнице и переступая пороги. Вокруг него всё крутится, кипит, всем он раздаёт приказы и отчитывает тех, кто приказы исполняет нерадиво...

Так и мечтал он, пока не влюбился. Ему очень понравилась Жаба, жившая на Нижних прудах. Её буро-зелёная кожа была усыпана тёмно-коричневыми пятнами, словно бородавками, а рот был такой огромный, что каждому, кто ее видел, казалось, будто она его сейчас проглотит. Словоохотливому ухажёру очень интересно было с ней поболтать. Жаба была столь же искусной в разговорном жанре и не уступала Лягушонку в умении посмеяться над другими. Бывало, и он попадал на её острый язык, но это ему даже нравилось. Это взвадривало Лягушонка, и ему не приходилось искать повод для состязания в остроумии. Но чаще инициатором словесных баталий выступал сам.

— Ваши Нижние пруды совсем превратились в болото! Скоро в них не останется воды, и вам придётся перебираться к нам.

— Размечтался! — отвечала Жаба. — Скорее вода из Верхних прудов перетечёт к нам и вы переселитесь сюда.

— Нет, вода с Верхних прудов никуда не собирается перетекать. У нас тишь да гладь — Божья благодать. И рыбки

плавают, и рыбаки по берегам сидят, — парировал Лягушонок.

Так они встречались и спорили, пока Жаба вдруг не исчезла.

«Куда она запропастилась?» — думал Лягушонок, не решаясь напрямую спросить у обитателей Нижних прудов.

«Ведь ты всё лучше других знаешь, — могли сказать они. — Что же ты к нам обращаешься?»

Несколько дней он держался, а потом стал как бы между прочим спрашивать про Жабу всех, кто ему встречался.

— Не видать тебе твою Жабу, — ответила ему всеведущая Выдра, старейшая обитательница прудов. — Она дерзко разговаривала с Болотной феей, и та заколдовала её.

«Если бы мою!» — грустно вздохнул Лягушонок. И чтобы заглушить в себе тоску по Жабе, стал ещё настойчивее мечтать о царском дворце. Уж там-то он забыл бы свою неудачную любовь. И что он к этой Жабе так привязался? Ведь, если честно, ни кожи, ни рожи... То есть наоборот, кожа да рожа... А там, во дворце, он утешился бы безмерной властью и нескончаемым выбором привлекательных особ.

Тучи комаров носились над Верхними и Нижними прудами, слабо утоляя растущий аппетит Лягушонка. Вот если бы он сидел за столом во дворце и вкушал царские яства!.. А тут эти комары-пустозвоны!.. Не успевашь рот открывать, а в желудке всё равно пусто.

По берегам не только сидели рыбаки, но и бродили охотники с ружьями наперевес, выслеживая дичь. Они палили что есть мочи по бедным уткам, бекасам и крохотным вальдшнепам. А если дичь не попадалась, стреляли по чему придётся.

Однажды они подстрелили волшебного Селезня. К счастью, он выжил, но потерял способность летать.

— Что, старина, — фамильярно обратился к нему Лягушонок, — придётся тебе инвалидность оформлять?

— Ты, как всегда, прав, наблюдательный Луш, — доброжелательно ответил Селезень. — Но если бы ты нашёл большое перо из моего крыла и приладил его на место, я вновь смог бы летать.

— Где же я его найду? Ты в своём уме? Да легче иголку в стоге сена сыскать...

— А ты попробуй. Я ведь в долгую не останусь... Поплавай у спиленной бобрьми осины, может, оно там где-то затерялось...

Тщеславный Лягушонок отправился на поиски, и вскоре они увенчались успехом.

— Вот твоё перо! — с гордостью победителя заявил Лягушонок, притащив его Селезню.

— Благодарю тебя! А теперь постарайся приладить его к моему правому крылу.

— Ты обещал...

— Не спеши. Как только перо будет на месте, сразу исполнится твоё самое заветное желание.

— Желание? Любое?

— Да, любое. Пожелаешь — можешь оказаться даже в царском дворце.

Лягушонок быстро смекнул, что Селезень — не простая утка, раз ему известно его заветное желание.

— Ладно, подставляй своё крыло, — согласился он.

И, как только приладил к крылу Селезня недостающее перо, тотчас очутился в царском дворце.

«Ёлки зелёные! — удивлялся он, оглядываясь вокруг. — Чудеса в решете!..»

Он медленно шлёпал по длинному коридору, не зная, в какую дверь войти. За ним, спадая с плеч, волочилась по дубовому паркету мантия. А на голове был какой-то непривычный предмет. Лягушонок потрогал его — это оказалась корона.

«Ничего себе! Вот это да!.. Впрочем, разве я не достоин...»

Тут к нему подскочили придворные и затараторили:

— Ваше величество, пожалуйте сюда!.. Ваше величество, пройдите туда!.. Вас ожидают в зале приёмов!..

Подхватив мантию, его ввели в просторную залу.

— Позвольте представить вам нашего нового царя, — торжественно объявил Главный распорядитель двора. — Луш Четырнадцатый!

— Да здравствует Луш Четыр-р-надцатый! — разнеслось по всему дворцу. — Виват нашему царю!

— Какой же это царь? — тихо произнёс министр финансов и законных операций. — Это же... обыкновенная лягушка.

— Ваше высокопревосходительство, — возразил ему министр культуры и культурных развлечений, — не торопитесь с выводами. Может, он просто так нарядился. Прикальвается, как говорит молодёжь. Не сесть бы нам в лужу...

— Да, — встрепенулся министр финансов, прикидывая, не проще ли ему будет управлять финансовыми потоками при

таком необычном царе. — Виват ново... нашему царю! — Да здравствует Луш Четырнадцатый!

— Как вам наш новый царь? — подошёл к ним министр полиции и полезных доносов.

— Какой базар, гражданин начальник! — сострил министр культуры. — Новый царь выше всех похвал!

Но тут заиграла музыка, и никто никого уже не слышал. Все закружились в вихре танца. Фрейлины наперебой стремились пройти хоть круг с новым царём. Луш XIV подхватывал то одну, то другую красавицу и неутомимо скакал по всей зале, а в перерывах поглощал шампанское.

Царская жизнь закрутила Лягушонка, который за короткое время превратился в настоящего царя. Луш Четырнадцатый! Это звучит громко. И никто уже спорить с ним не посмеет... Хотя почему-то скучно становилось от этого. То ли дело Жаба! С каким удовольствием он поболтал бы сейчас с ней. Попикировался... Он ей слово — она ему десять. А здесь!.. Скука одна... Танцы-шманцы, бесконечное шампанское, от которого только живот пучит. Да ещё какие-то бумаги приходится подписывать: то один министр прётся со своими глупостями, то другой...

Да ёщё всякие послы понаехали!

— Ваше величество, — появился откуда ни возьмись юркий секретарь, — проследуйте, пожалуйста, в зал переговоров. Послы Кастелянции уже прибыли.

— Послы? — с удивлением переспросил Луш Четырнадцатый. — Какой такой Кастелянции?

— Ну как же, ваше величество, я же вам вчера докладывал...

«Так, — соображал Лягушонок, — я во дворце, вроде как царь. Переговоры... Ну раз Селезень сделал меня царём, то должен был дать и разумение вести царские дела».

Луш Четырнадцатый успокоился и скачущей походкой вошёл в зал переговоров. Иностранные послы манерно раскланялись с царём.

Переговоры тянулись два часа кряду, и Лягушонок, вытирая батистовым платком вспотевший лоб, непрестанно думал о том, что ничего скучнее в его жизни не было. Ему хотелось побегать, попрыгать, хотелось оказаться на Нижних прудах... Но тут всех позвали к обеденному столу.

Царь сидел во главе и смотрел на придворных, гостей и каких-то расфуфыренных дам. По привычке начинал отпускать колкости в чай-нибудь адрес, ожидая остроумного ответа, а то и спора. Но на любое высказывание царя все

присутствующие отвечали поклонами, улыбками и притворным смехом.

— Одно лицемерие, — буркнул Лягушонок себе под нос и углубился в поглощение обеда.

Он ел заливное из стерляди, жареного поросёнка с хреном, утку, запечённую с яблоками (уж не Селезень ли?!), пил разные настойки и заморские вина, что в конце концов привело к страшному отягощению утробы. Последний бисквит уже никак не лез в рот, но хозяин стола убедил себя, что должен откусить и его.

Едва живой, Луш выбрался из-за стола и проследовал в опочивальню. Его живот был набит так туго, что глаза вылезали из орбит.

Послеобеденный сон был так же тяжёл, как сам обед, отчего царь проснулся совсем не отдохнувшим и в ещё более дурном расположении духа.

Заскучал Лягушонок по-настоящему. Несмотря на постоянные обильные обеды, стал худеть. Всё чаще вспоминал Жабу, и никакие развлечения не выводили его из хандры.

— Царя надо женить, — предложил Главный распорядитель двора.

— Надо! — подтвердил министр полиции и полезных доносов, у которого была дочь на выданье. — Да только непонятно, какие у него вкусы.

— Вкусы вкусами, — вставил министр культуры и культурных развлечений, — а порядочная жена никогда не помешает. Опять же наследник нужен.

Невесты шли, что называется, косяком и были одна лучше другой. Но царь не только не проявил интереса, а слёг и даже порой бредил от жара.

— Жа... Жа... а-а! — звал он кого-то.

— Какую-то Жанну зовет, — недоумевали придворные лекари.

Делать нечего, стали искать Жанну. И нашли. Дева оказалась невиданной красы! Когда она появилась во дворце, все обомлели.

— Необыкновенно хороша! — с видом знатока сказал министр культуры и культурных развлечений. — Неужели такому... скольzkому царю достанется?! — Оказывается, двор всё ещё смущался мыслями о том, что у них царствует лягушка.

Лушу тоже понравилась внешность невесты. Вот только не чувствовалось в ней жизненного огня, была она будто полуживая. Механически двигалась, дежурно улыбалась, смотрела на всех, в том числе и на своего суженого, без малейшего интереса.

— Может, она заколдована кем-нибудь? — предположил жених.

— Так точно, ваше величество! — отчеканил министр полиции и полезных доносов. — Заколдovана.

— Надо расколдовать!

— Это зависит от вашего величества, ваше величество. И от неё. Она должна поцеловать вас, ваше величество.

Луш благосклонно заулыбался и направился к невесте. Этикет такого не предусматривал, но все одобрили демократизм царя.

— Какой простой!.. — зашептали придворные.

— Способен на высокие чувства...

— Ещё бы! Такая красота! Любой первым побежит...

Красавица Жанна тоже сделала шаг вперёд и наклонилась, чтобы поцеловать Луша. И в тот момент, как состоялся поцелуй, превратилась... в обыкновенную буро-коричневую жабу.

— Моя Жаба! — изумился Луш и потерял сознание.

...Очнулся Лягушонок на берегу пруда. Первые лучи солнца проглядывали сквозь деревья. Утренняя прохлада благотворно действовала не только на тело, но и на душу. Звонкие комары кружились тучей и возбуждали аппетит. Лягушонок насpxeх проглотил несколько десятков и осмотрелся. Рядом сидела его возлюбленная Жан... Жаба!

Её взгляд был ласков и многозначителен.

— Как я ждала тебя! — воскликнула она вместо обычных колкостей и насмешек.

— И я! — расплылся в счастливой улыбке Лягушонок.

И поцеловал Жабу крепко-крепко, чтобы колдовство не вернулось к ней никогда.

Стройный хор лягушек-квакушек исполнил вальс Мендельсона, после чего обитатели Верхних и Нижних прудов начали свадебный пир.

АХ, ПОВИЛИКА!..

Не было на всём садово-огородном участке растения более сильного и цепкого, чем выон. К кому бы он ни приближался, ни для кого это ничем хорошим не заканчивалось. Растение попадало в крепкие объятия ловкого выона и начисто лишалось свободы.

Но вот увидел молодой выонок повилику — тонкую, нежную, воздушную. Даже корень, которым она соединялась с землёй, был почти незаметен, трудно было и поверить, что она питается соками земли, а не воздухом. Очаровательна была повилика!

Вела себя она скромно: потихоньку стелилась по земле, никого не задевая и никому не навязываясь. Только вздыхала иногда тоненьким голоском, обращаясь к соседу:

— Ах, какой ты, выонок, сильный и красивый! До чего же зелены твои листочки и как хороши на тебе бело-розовые колокольчики!

Голос её проникал прямо в душу, и сердце выонка затрепетало.

Полюбил он повилику, хотя сам себе в этом ещё не признавался. Тем более ей.

Весна набирала силу, всё ярче светило солнце, пробуждая к жизни всякую травинку и былинку.

Рос на открытом участке сада и подсолнух. Утром, с первыми лучами солнца, он поднимал свою растущую, пока ещё величиной с детский кулечок голову и подставлял круглое лицо свету.

— Что ты задираешь нос? — укорял его выон. — Никого не видишь, ни с кем не хочешь разговаривать! Ты, видно, никого не любишь!

— Ну что ты, выонок, — отвечал подсолнух. — Любить — это наше предназначение. Но чтобы любить какое-нибудь растение или даже красивый цветок, надо сначала по настоящему полюбить солнце. Ведь только оно даёт нам силы жить и любить.

— Подумаешь, солнце! — фыркнул выон. — Оно высоко и далеко от нас. За что его любить? А вот те, кто рядом... Посмотри, как хороша, как нежна повилика!..

— Повилика несомненно хороша! — согласился подсолнух. — Но нельзя любить земное, не любя небесное.

Выон вполуха слушал своего рослого соседа, поскольку тот не разделял его чувства.

Ежедневно, раскрывая лепестки своих колокольчиков навстречу утренним лучам, просыпался выон с мыслями о нежной повилике, ждал, когда увидит её, услышит её неповторимый голос.

— Ах, выонок! Какой сегодня чудесный день! Я так рада тебя видеть, что мне даже не очень важно, светит ли на небе солнце.

— И я рад видеть тебя, повилика! Мне так хочется, чтобы ты всегда была рядом! Я готов цветти для тебя весь день и даже всю ночь.

— Ах! — самозабвенно шептала повилика. — Какой ты хороший! Я без тебя жить не могу!

— И я! — звенел своими бледными колокольчиками выонок. — Я тоже без тебя жить не могу! Ты вся такая неземная... Ты единственная, ты несравненная!

Выонок протянул свои молодые листочки повилике, и она нежно обвилась вокруг его стебелька. А он, потеряв от счастья голову, обвился вокруг повилики.

Теперь выонок, просыпаясь утром, сразу мог любоваться своей ненаглядной. Отныне они были неразлучны.

Земля прогрелась и стала сухой. Повилика всё сильнее прижималась своими изящными присосками к стеблю выона. Корешок, который связывал её с землёй, пересох и оборвался. Она и вправду стала неземной, и вся её жизнь теперь зависела от выона.

— Ах! — томно вздыхала повилика. — Я жить без тебя не могу!

— Я всегда буду с тобой, — заверял её выон, — ты можешь положиться на меня. Моя любовь сделает тебя счастливой!

— Ах! — шептала повилика возлюбленному. — Как хорошо мне с тобой! А тебе?

— И мне с тобой хорошо, повилика! — с жаром соглашался выон и старался вбить из почвы как можно больше соков, чтобы хватило на двоих.

Выон щедро дарил свои жизненные силы повилике, которая всё крепче и крепче впивалась присосками в его стебель. Когда накрапывал летний дождик, а в особенности после обильного грозового ливня, этих сил хватало. Но как только наступала засуха, выону приходилось тяжко.

— Ах! — горько вздыхала повилика. — Ты меня совсем не любишь!..

— Люблю, — вяло, будто оправдываясь, говорил выон. — Просто...

И чтобы доказать свою любовь, старался отдать повилике все жизненные соки. Он углублялся корнями в землю, высасывал из неё последнюю влагу и питал возлюбленную. Лишь бы ей было хорошо, только бы она не увяла. Повилика расцветала, разрасталась и уже обвивала не только своего вынона, но и молоденькие, сочные побеги выонков рядом.

— Что же ты? — ревновал её выон. — Я целыми днями стараюсь для тебя, выбиваюсь из последних сил, а ты...

— Ах, мне не хватает твоего внимания, — оправдывалась повилика, — ты стал какой-то безразличный. Я тебя уже не интересую, как раньше, тебя не вдохновляет моя любовь.

— Повилика! Я изо всех сил стараюсь обеспечить твоё благополучие. Но ты ненасытна. И у меня не хватает сил и питать тебя, и весь день с любовью на тебя смотреть.

— А вот у этих прелестных выонков, — показывала повилика на молодые побеги, в которые она уже впилась своими присосками, — хватает. И ты лучше не ворчи.

— Может, я тебе совсем не нужен? Пожалуйста, я тебя не держу. Оставь меня в покое и наслаждайся жизнью с юнцами-вонками.

— Ах, что ты! Ты же знаешь, как я люблю тебя! Я жить без тебя не могу!

Вон потихоньку оттаивал, вспоминал раннюю весну, когда он был одинок и жаждал любви. Вспоминал счастливые дни, когда обрёл свою повилику. Как хороша она была! Вся такая тонкая, изящная!.. Но воспоминаниями долго сът не будешь. Жизнь требовала новых усилий и решительных шагов.

— Обратись к светилу! — уговаривал изнемогающего выона подсолнух. — Оторвись хоть ненадолго от своей повилики. Ваша зависимость друг от друга закончится плачевно. Нельзя жить, не получая сил от солнца!

— Пока я буду плятиться на твоё солнце, повилика найдёт себе другого... Я докажу ей, что лучше меня никого нет.

— Ты опять только про неё! Взгляни же на солнце, погрейся в его ласковых лучах. Почувствуй его любовь, и тогда у тебя появятся силы любить повилику.

— Твоё солнце только сушит землю. Ты стал таким дылдой уж никак не благодаря солнцу. Если бы не было под тобой плодородного слоя почвы и питательных дождей, твой ствол не был бы таким толстым и мясистым, а твоя голова — усеянной вкусными семечками.

— Ты прав, плодородная земля тоже нужна, и вода... Но без солнца, без его животворящих лучей земля не сможет

ничего родить, и вода ей не поможет.

Лёгкий ветерок перебирал золотистые лепестки подсолнуха, делая его ещё более живым и похожим на маленькое солнышко. Повилика давно уже засматривалась на статный подсолнух и даже пыталась подружиться с ним. Однако все её попытки обвить его массивный ствол заканчивались неудачей. Обвить-то получалось, а вот присосаться и начать пить жизненные соки — никак!

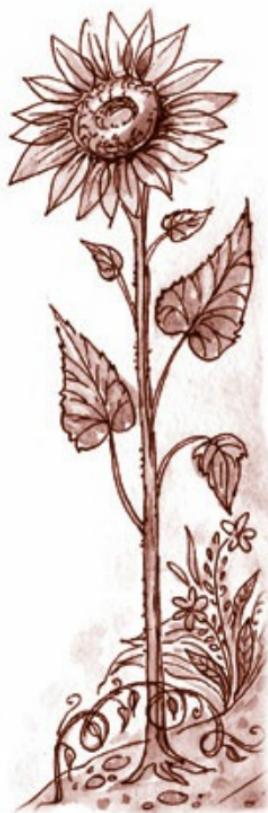
— Фу, толстокожий! — возмутилась повилика и оставила свои попытки.

А подсолнух самозабвенно тянулся к солнцу, даже не замечая её ухаживаний.

Выон же сколько ни старался, а больше, чем ему было отведено земной природой, дать любимой не мог. Большинство его никогда звонких колокольчиков в разгар лета засохло, а те, что ещё бледнели на ярком фоне зеленеющей повилики, роняли на землю последние семена.

Повилика, ловко извиваясь, освободилась от безвременно засохшего выона, подползла к плодоносящему крыжовнику и воскликнула:

— Ах! Какой ты пышный и красивый! Как налились твои янтарно-зелёные ягодки!..

СУХАРЬ

Жил на столе Сухарь. Он так окаменел, что его не могли сгрызть даже мыши.

Когда-то Сухарь был просто засохшим куском хлеба, и оставалась ещё надежда, что его кто-нибудь съест. Но он так старательно избегал этого, что никому не отдал ни крупицы своего хлебного существа. Иногда он терялся среди других кусков хлеба, чтобы те первыми стали кому-нибудь пищей. Иногда принимал столь непривлекательный вид, что тянувшаяся к нему рука вдруг меняла направление и брала другой кусок. А иногда, уже оказавшись в чьей-нибудь руке, так напрягался, что, покрутив Сухарь или постучав им по столу, водворяли его на место.

Сухарь очень гордился своим особым положением и, после того как совсем окаменел и стал недоступен даже очень крепким зубам, провозгласил себя независимым.

Он лежал на столе и насмехался над свежими хлебами, которые появлялись в хлебнице.

— Эй, Каравай — кого хочешь выбирай... Тебя сегодня же и выберут! Корку твою подгоревшую срежут и в мусор выкинут, а тебя... на кусочки, на кусочки — и... ам!

— А ты, Батон, что надулся? Думаешь, ты тут надолго? Завтра утром намажут на тебя масло — ты ведь с виду только такой привлекательный, а без масла-то тебя и в рот не всунешь, — и-и... поминай как звали!

Хлебы ничего не отвечали на выпады Сухаря. Они понимали, что их рано или поздно должны съесть, но ведь в этом и заключается их предназначение.

Иногда, впрочем, попадались экземпляры с характером, и тогда разгорался скандал.

— Ну, Рогалик, ты и рогалик! Какой рогатый тебя придумал! Это ж курам на смех!.. И всем честным хлебам тоже, — начинал Сухарь.

— Не тебе говорить, Сухарь замшелый! Ты-то даже и курам не нужен! — огрызался Рогалик.

— Это я-то не нужен?! Я нужен всем! Но я — свободный сухарь! И я сам знаю, кто мне нужен.

— Ты не нужен никому! Тебя и в руки-то страшно взять.

— Почему это страшно? — с чувством собственного достоинства возражал Сухарь. — Я и с виду хорош, и изнутри. И постоять за себя умею!

Вскоре все поняли, что любые разговоры с Сухарём бесполезны, и прекратили с ним общение.

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.